

ВОСПОМИНАНИЯ О ДРУГЕ И УЧИТЕЛЕ

EDN: CHMSGZ

Черныш
Михаил Федорович

О Владимире Васильевиче Петухове: личные воспоминания

Наши с Владимиром Васильевичем научные дороги не пересекались. Зато с тех пор, как Володя перешёл работать в наш институт, мы стали часто видеться, чаще случайно, но всегда содержательно. Помню первую такую «случайную встречу», нас обоих пригласили участвовать в какой-то передаче радио “Маяк” и мы стояли,

обогреваемые летним солнцем на входе в здание радиостанции. Слово за слово, разговорились и уже не могли остановиться, уже не помню, какой сюжет нас обоих задел, но помню только, что было жаль, что разговор прервался и пора было идти участвовать в передаче. Владимир Васильевич как-то сразу понравился: порывистый, темпераментный, вовлечённый и всегда искренний. Такой человек мог говорить только то, что думает, только о том, что его действительно волновало. Он тогда возглавлял отдел научной аналитики ВЦИОМа, а я к ВЦИОМу и его результатам относился со скепсисом. Он, конечно, со мной не соглашался, конечно, горячо спорил, но без обид и с желанием разобраться, понять. А когда разбирался, когда понимал, что его оппонент имеет убедительные аргументы, не вставал в позу, не упирался, защищая своё научное эго, а соглашался. И было件нятно, что он искренне за дело своё радеет, что критику принимает не как персональный вызов, а как то, что можно для этого дела использовать, как то, что поможет сделать его наилучшим образом. Много раз потом подтверждалось, что он обладал этим редким качеством – умением слушать оппонента и соглашаться с ним. Но того же он ожидал и от собеседника, и если тот принимал эти естественные для научной среды правила игры, то диалог ладился, определялось общее понимание обсуждаемых явлений. Как же нам порой не хватает этой взаимной благожелательности, этого стремления принимать не только хвалу, но и критические пометки на полях, если они

искренние и по существу. Без этой взаимной благожелательности, без принятия оппонента как равного, как соратника в одном деле, наука неминуемо деградирует, превращаясь либо в набор тщательно соблюдаемых ритуалов, помогающих сохранять худой мир, либо же в войну всех против всех, до победного конца, до полной взаимной отмены (cancel).

После этого первого разговора наши с ним встречи стали если не частыми, то регулярными, но по-прежнему в основном случайными. До заседаний Учёного совета, после них, в коридорах до многочисленных научных мероприятий или после них, но мы всегда друг друга задерживали и всегда затевали разговор так, словно время, прошедшее между встречами, было лишь паузой, которая разделила, но не остановила развитие какой-то важной для нас обеих темы. По ходу разговора выяснялось, что в каких-то точках биографии мы сближались настолько, что могли видеть и слышать друг друга, участвовать в каких-то проектах вместе, сами не подозревая о том, что находимся в одном пространстве, в одном поле взаимодействия. Я справлялся, а Володя рассказывал о судьбе нашего коллеги Леонтия Бызова, которого я помню ещё совсем молодым, энергичным, настойчивым в конце 1980-х. Леонтий был талантлив, но судьба была к нему немилостива. В 1990-х он попал под колёса пьяного водителя и стал пожизненным инвалидом, почти обездвиженным, но при этом продолжал быть в науке, его острые комментарии любили печатать популярные СМИ. Володя не оставлял старого друга вплоть до его кончины, старался по мере сил облегчить ему жизнь, помогать чем мог. И в этом он тоже был самым собой, неравнодушным и сочувствующим, сопереживающим.

Сейчас, вспоминая, прихожу к выводу о том, что Владимир Васильевич имел стартовой точкой научной биографии непростое, бурное время перестройки, время открытости и гласности, активного обсуждения всего наболевшего, надоевшего и чаемого. Нет, он не был из тех, кто застревает в каком-то времени, живёт в нём несмотря на все перемены, но именно то время создало для него ценностную координату, с которой он сверял всё, что происходило позже.

Социолог, признаётся он в этом себе или нет, не способен полностью освободиться от ценностей, стать по выражению Вебера *wertfrei*, совершенно свободным от какого-либо мировоззрения и, как правило, это мировоззрение имеет точку опоры в раннем периоде жизни. Володя любил то время не только потому, что был молод, но и потому, что оно рождало альтернативы и возможности. Ему, социологу, было в этом времени интересно, оно его интриговало, открывало перспективы, которые до того были закрыты. Общество менялось, уже по первым колебаниям социальной почвы можно было судить о глубине текущих и грядущих преобразований. В этой ситуации социология в той части, которая была представлена исследованиями общественного мнения, переживала второе рождение. Общественное мнение было действительно значимым фактором общественной жизни, заставляло элиты прибегать к новым стратегиям, искать новые пути убеждения населения в правильности принимаемых мер. Большинство социологов придерживалось, конечно же, демократических убеждений, надеялись и верили в то, что рождается новый русский, рос-

сийский мир – мир свободы и развития. Прошло время и стало понятно, что многие из этих надежд не оправдались и многие наши коллеги либо приняли фигуру умолчания по поводу того, что происходит, либо заняли позицию скептического наблюдателя, отстранённого от текущих событий, критически оценивающего возможности развития. Володя не примкнул ни к первым, ни ко вторым. Он продолжал считать, что только на пути развития демократии, развития демократических институтов страна может найти свою дорогу. Будучи по характеру человеком открытым, доброжелательным, он избежал скатывания в секту «негативистов», обвинявших в российских постсоветских неудачах не столько обстоятельства или власти, сколько саму уже народную массу, сам российский народ, якобы не понявший демократических ценностей. Для него то, что происходило, было продуктом конкретных решений, конкретных обстоятельств, политической игры в рамках уже сложившихся, хотя и слабых институтов. Отказаться от подобной позиции означало перейти от восприятия мира как динамического, развивающегося к статике, не только исследовательской, но личностной, а это явным образом претило его натуре.

Тяжёлая болезнь настигла Владимира Васильевича тогда, когда он был в расцвете своей исследовательской карьеры. Весть о болезни он принимал как-то очень по-русски, не соглашаясь с конкретными обстоятельствами, но соглашаясь с тем, что жизнь конечна и нужно в какой-то момент принять любой исход, не впадая в отчаяние. Медицина отодвинула неизбежность почти на десять лет, их он использовал в полной мере, участвуя в больших проектах, создавая аналитические тексты, зеркально отражающие нынешний этап российской истории, важных для современников и потомков. Во время одного из наших разговоров он говорил о том, что боль преследует его постоянно, но он привык к ней, перестал обращать на неё внимание, погружаясь в работу. Он ушёл, и в нашей науке возникла ещё одна пустующая ниша. Неправда, что нет незаменимых, что «бойцов не редет строй». Он редет потому, что такие учёные как Владимир Васильевич Петухов рождаются историей, её процессами; для того, чтобы добиться такой научной и гражданской зрелости нужны годы упорного труда и годы погружённости в общественную жизнь, сопереживания со всем тем, что происходит в Отечестве.

Когда уходит учёный такого статуса неизбежно возникает вопрос, что остаётся науке и его потомкам. Думается, что всё то, что он создавал, за что радел, не канет в лету. Те, кто придёт после, в будущем будут узнавать нашу эпоху, наше время в том числе и по тем статьям и книгам, которые оставил после себя Владимир Васильевич. А социологи будут помнить его и чтить как коллегу, который не только вёл большие проекты, но формировал среду честной, правильной, граждански ориентированной общественной науки.

*М. Ф. Черныш,
член-корреспондент РАН*